

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 110–118. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.224

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-110-118

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ «НАРТИАДА» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЭПИЧЕСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ ДРУГИХ НАРОДОВ

*Танзиля Мусаевна Хаджиева*¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора
ORCID: 0000-0003-1186-4958
e-mail: tanzila_@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Хаджиева Т.М., 2023

Аннотация: Карачаево-балкарские героические песни и сказания о богатырском племени нартов являются одной из версий общекавказской «Нартиады», которая относится к числу архаических эпосов. Несмотря на то что в разных версиях «Нартиады» много общего (общее название эпоса и имен некоторых нартских героев, сходство сюжетов и мотивов и т. д.), в каждой этнической традиции воссоздана своя мировоззренческая картина мира. Так, в частности, в карачаево-балкарской версии кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпической традицией тюркских и монгольских народов.

В своей работе автор подчеркивает, что спецификой рассматриваемой версии «Нартиады» является то, что главная ее эпическая тема – борьба нартов с мифологическими чудовищами – эмегенами. Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой благодаря своему умственному превосходству нарты всегда оставались победителями.

В ходе исследования автор показал, что в повествовательной системе эпоса обычно преобладает традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия. Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов, могут меняться от простого к сложному.

Характерной чертой кавказской «Нартиады» является то, что в нартских песнях и сказаниях герой свой подвиг совершает в одиночку (моногероизм). Сравнительный анализ текстов помог выявить, что в карачаево-балкарском эпосе в отличие от других версий «Нартиады» многие сказания имеют концовки, характерные тюркоязычным эпосам: утверждение правдоподобности рассказанного, восхваление героя, подчеркивание значимости или описание героических последствий его подвигов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, нартский эпос, героико-эпические сказания народов Кавказа, эпические памятники, «Нартиада».

Благодарность: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00655.

Для цитирования: *Хаджиева Т.М.* Карачаево-балкарская «Нартиада» в сопоставлении с эпическими памятниками других народов // *Российская тюркология*. 2023. № 110–118. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-110-118.

The Karachay-Balkar “Nartiada” in comparison with the epic monuments of other peoples

Tanzilya Musaevna Khadzhieva¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Leading Researcher of the Department of Folklore Studies
ORCID: 0000-0003-1186-4958
e-mail: tanzila_@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Khadzhieva T.M., 2023

Abstract: The Karachay-Balkar heroic songs and sagas about the heroic kind of Narts can be described as one of the versions of the common Caucasian “Nartiada”, one of the archaic epic forms. Despite the fact that many versions of the “Nartiada” have many common features (the same name of the epos and some Nart heroes, the similarities of the plot and between the motifs, etc.), every ethnic tradition tends to build up its own worldview. In particular, in the Karachay-Balkar version common Caucasian and local distinctive epic traditions are merged with the epic tradition of Turkic and Mongolian peoples.

The author highlights in this work that the distinguishing feature of the examined version of the “Nartiada” is its main theme: the fight of the Narts against the mythological monsters – the emegens. There was a constant struggle between the Narts and the emegens, in which, due to their intellectual superiority, the Narts always came out victorious.

The author of the study established that in the narrative system a traditional sequence of motives can be described as predominate: every motive arises from a previous one and entails the next one, preparing, step by step, the culmination of a story. There are also some recurring motifs, which can change themselves from simple to more complex structure, depending on a situation.

The distinctive feature of the Caucasian “Nartiada” is the solitude of the main hero doing his deed in the Nart songs and sagas (monoheroism). The comparative analysis helped to conclude that in contradistinction to many other versions of the “Nartiada”, in Karachay-Balkar epic folklore numerous sagas have endings, typical of Turkic ones: the assertion of probability of a story, the glorification of a hero, emphasis on the significance, and description of consequences of his mighty deeds.

Key words: Karachay-Balkar folklore, Nart epos, heroic epic sagas of the peoples of the Caucasus, epic monuments, “Nartiada”/“Nartiade”.

Acknowledgment: The research was carried under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00655 at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: *Khadzhieva T.M.* The Karachay-Balkar “Nartiada” in comparison with the epic monuments of other peoples // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 110–118. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-110-118.

Введение

Одной из особенностей нартских песен и сказаний является их интернациональный характер – они известны многим кавказским народам: осетинам, карачаевцам и балкарцам, адыгам, абхазам, ингушам, чеченцам. Нартские сюжеты фрагментарно встречаются и в фольклоре народностей Дагестана, а также у сванов и рачинцев.

Несмотря на то что в разных версиях «Нартиады» много общего, в каждой этнической традиции воссоздана своя мировоззренческая картина мира. Так, в частности, в карачаево-балкарской версии кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпической традицией тюркских и монгольских народов. Например, в религиозных верованиях балкарцев и карачаевцев главенствующее положение занимал Тейри (Тенгри) – верховное божество этих народов. В их эпосе Тейри покровительствует и помогает нартам во всем.

Спецификой карачаево-балкарской «Нартиады» является то, что главная ее эпическая тема – борьба нартов с мифологическими чудовищами – эмегенами. «Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук» [Урусбиев 1881: III].

Эмегены – не только постоянные эпические враги нартов, они источник зла и хаоса на земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое. И, чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними борьбу до полного их уничтожения.

Структура жанра

В нартских песнях и сказаниях сюжетной экспозиции и завязке предшествует зачин. Инициальные формулы зачинов встречаются как в стихотворных, так и в смешанных и прозаических текстах сказаний. Они указывают на время действия, которое чаще всего относится к далекому прошлому (хронологический зачин): *эртде заманлада* ‘в древние времена’; *эртде-эртде дорбунлада тургъанлада* ‘очень давно, когда (люди) в пещерах обитали’; *нартланы эмегенле бла кюре-ишучю заманлада* ‘во времена, когда нарты враждовали с эмегенами’ и т. д.

Сравнительный анализ нартских текстов балкарцев и карачаевцев показал наличие в них большого количества постоянных *хронологических зачинов*. Доминирующими среди этих зачинов, как и в других эпосах тюркоязычных народов, являются инициальные формулы: *бурун заманлада* (или *эртде бурун заманлада*) ‘в древние времена’ и *нартланы заманында* ‘в век нартов, во времена нартов’. Например: *Бурун заманда, нартланы кезиуюнде, Дебет деп бир нарт жашагъанды* [Нарты 1994: 162] ‘В древние времена, во времена нартов жил один нарт по имени Дебет’¹; *Нартланы заманында аты да Къызыл Фук деп, бир тюрлю зат жашагъанды* [Нарты 1994: 76] ‘В век нартов жило некое существо, которое звали Красный Фук’.

Топографические зачины в эпосе карачаевцев и балкарцев указывают на место жительства героев или место их действия. При этом характерным для таких зачинов является то, что сказители стремятся точно обозначить место действия сказаний, приурочивая их к определенной местности: *Нартла бла эмегенле эки башлы (Минги-Тау) эм Къазман (Казбек) таулары Къыркъ сууларыны къолларында къатыш жашагъандыла* [Нарты 1994: 588] ‘Нарты жили вперемешку с эмегенами в долинах Сорока рек Эльбруса и Казбека’.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

Топографический зачин в «чистом виде» встречается редко, так как зачины в основном начинаются фиксацией и времени, и места:

<i>Эртде-эртде заманда,</i>	В давние-давние времена
<i>Минги Тауну къатында</i>	Около Минги Тау (Эльбруса)
<i>Нартла жашай элле</i> [Нарты 1994: 589].	Нарты жили.

Помимо указания на существование героев, зачины в сказаниях содержат в себе и **формулу наличия**: *Темирчи Дебетни бла аны къатыны Матчалыуну онтогъуз жашлары болгъанды* ‘У кузнеца Дебета и у его жены Матчалыу было девятнадцать сыновей’.

Некоторые сказания балкарцев и карачаевцев, как и сказания других национальных версий «Нартиады», начинаются с зачина – характеристики или краткого указания на происхождение героя: *Эмеген къыздан туугъан Къарашауай нартланы пелуаны болгъанды* ‘От девушки-эмегенши рожденный Карашауай был нартским богатырем’, или с указания на взаимоотношения между героями (в основном генеалогические): *Къарашауайны къарт атасы Дебет бек уста темирчи болгъанды* ‘Дед Карашауая Дебет был очень искусным кузнецом’, или же сразу начинаются с завязки и непосредственного развития сюжета:

<i>Фукну жашы ёлмей нартда къалгъанды,</i>	Сын Фука не умер, среди нартов
<i>Ёрюзмекни жояргъа оноу салгъанды</i>	остался,
[Нарты 1994: 91].	Убить Ёрюзмека (отомстить за отца) он решил.

Сюжетобразующие мотивы. Проанализировав нартские сказания балкарцев и карачаевцев и установив наиболее характерные эпические сюжеты, которые можно разложить на ряд «простейших повествовательных единиц» – мотивов (А. Веселовский), мы выявили сюжетобразующие (основные) мотивы и несюжетобразующие (второстепенные).

В **экспозиции (предыстории)** сказаний при помощи различных эпизодов (предварительных мотивов) дается описание событий (иногда очень подробное), которые предшествуют завязке и, наиболее глубоко раскрывая тему, показывают и объясняют условия, при которых возникает конфликт.

Конфликтность – неременное условие сюжетного действия. Она выражается чаще всего в противопоставлении персонажей сказаний. Конфликтность всегда мотивирована. Характер мотивировки зависит от темы сказания.

В сюжете сказаний, помимо основного (конфликтного) мотива, есть и второстепенные, «свободные мотивы», которые могут варьироваться или вовсе выпасть из контекста, не нарушая сюжетную линию повествования.

В повествовательной системе эпоса обычно преобладает традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия. Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов, могут меняться от простого к сложному.

В некоторых сказаниях бывают различные отклонения от основного хода сюжета, например, случайная встреча героя с кем-нибудь, препятствия на пути и т. д. Преодоление этих препятствий служит для дальнейшего движения сюжет-

ного действия, кроме того, показывает исключительность героя, смелость, силу, геройство.

Иногда в сказаниях присутствует и мотив «предварительная неудача»: герой перед свершением основного подвига терпит неудачу. Но торжество врага всегда оказывается преждевременным, так как «какими бы драматическими перипетиями не изобилывал сюжет, он строится с ориентацией на торжество героического начала» [Путилов 1970: 19].

Определив композиционное строение большинства нартских сказаний, обратимся теперь к конкретному анализу некоторых из них. Так, в сказании «Ачemez, сын Ачея», во вводной его части, повествуется о борьбе Ачея с Кубу (Хубуном), который в упорном поединке убивает его. Чтобы отомстить Кубу, с отрядом своих людей выезжает старший брат Ачея Насыран (в другом варианте отомстить убийце выезжает его сестра). Ачemez рождается после смерти отца, и его мать воспитывает его втайне от окружающих. В описании детства Ачемеза присутствуют мотивы фантастически быстрого роста героя, мотивы чудесной силы и богатырского детства (предварительные мотивы). Во всех вариантах этого сказания наличествует мотив «незнания»: мать Ачемеза держит втайне причину гибели мужа и имя его убийцы. Открытие тайны происходит случайно: Ачemez во время игры детей в бабки (альчики) разбивает их. Мать детей упрекает Ачемеза: «Лучше бы ты отомстил убийце своего отца, а не обижал бы детей». Здесь упрек женщины является провоцирующим мотивом. Этот мотив толкает героя на свершение других поступков, что, в свою очередь, сопряжено с возникновением последующих мотивов. Началом конфликтной ситуации в сказании является выведывание у матери имени убийцы отца. Для этого Ачemez прижигает ее руку горячей кукурзой (халвой). Некоторые варианты данного сказания осложняются введением в них мотива «недооценки героя» (А. Скафтымов): когда Ачemez просит мать дать ему отцовское оружие и его боевого коня, она учит, где их найти, но при этом говорит сыну, что он еще мал и не сможет справиться с конем и поднять тяжелое оружие. Но герой достает оружие отца и, простившись с матерью, отправляется на поиски убийцы. Итак, мотивировка выезда Ачемеза – месть. В пути Ачemez встречает большую реку, через которую нарты не могут переправиться (мотив случайной встречи – препятствия). Ачемезу ничего не стоит переправиться на другой берег. Когда он знакомится с дядей (тетей) и говорит ему о цели своего приезда, происходит повтор мотива «недооценки героя». Ачemez, чтобы вызвать Кубу на бой, угоняет его табун, передает его нартам и возвращается назад.

При встрече с Кубу на его вопрос о том, видел ли он его табун, Ачemez трижды сознательно обманывает его, сбивая с пути. Далее он заявляет Кубу: «Это я угонял твои табуны, чтобы показать, насколько твои угрозы не страшны для меня, это я заставил тебя три раза скакать по ложному пути. Если тебе желательно узнать, кто тебя так сильно огорчил, то знай: я – сын Ецеева и приехал отомстить тебе за смерть своего отца» [Нарты 1994: 568].

Три дня и три ночи сражаются противники, Кубу после каждого боя уезжает домой, где его жена при помощи волшебного полотенца исцеляет его раны. На четвертый день Ачemez умирает от бесчисленных ран (предварительная неудача). Кубу привозит его труп к себе домой. Ночью, когда Кубу засыпает, его жена волшебным полотенцем оживляет Ачемеза. После этого Ачemez с помощью же-

ны Кубу достает «черный нож» самого Кубу, ибо только этот нож принесет тому смерть (мотив смерти врага только от своего оружия), и убивает своего кровника. Один из законов, установленных В.Я. Проппом, гласит: «Последовательность функций мотивов всегда одинакова <...> Отсутствие некоторых функций не меняет порядка остальных» [Пропп 1962: 26].

Одни мотивы служат завязкой действия, другие ведут, развивают действие, третьи – составляют кульминационный момент. Вкупе они дают последовательно развивающееся действие. Но для того, чтобы определенная группа мотивов стала самостоятельным образованием (сюжетом), необходимы еще особого рода мотивировки центрального действия. «Под мотивировками понимаются как причины, так и цели персонажей, вызывающие их на те или иные поступки» [Пропп 1962: 69]. Таковыми причинами и целями поступков героев в нартском эпосе являются: ликвидация вредителя, похищение огня, женитьба, кровная месть и т. д.

Конфликтность, выражающаяся в резком противопоставлении персонажей, характерна для сказаний на традиционную тему – борьба нартов с эмегенами. Эти сказания образуют ряд сюжетов:

1. Эмегены – хранители огня и воды.
2. Нарты преднамеренно ищут встречи с эмегенами.
3. Нарты случайно встречаются с эмегенами.
4. Эмегены сами нападают на нартов (совершают набеги).

В сказаниях, где эмегены выступают хранителями огня, нарты встречаются с ними случайно. Например, сказание «Сосурук и эмеген» сразу же начинается с завязки и непосредственного развития сюжета: *От ёчюлсе, сирнек болмагъан заманда, отлукъ ташла бла къуу къабындырып болгъан кезиуледе, нартла жашагъан жерде от ёчюлюп, ол да табылмай, нартла бек суукъ болуп, тап къырылыргъа окъуна жетген эдиле* [Нарты 1994: 382] ‘Во времена, когда не было спичек, когда огонь добывали при помощи кремния, на земле нартов потух огонь, нарты никак не могли его вновь развести и до того замерзли, что чуть не погибли’. Мотивировкой выезда Сосурука в этом сказании служит поиск огня. В поисках огня он едет на огонек и случайно попадает к эмегену.

В сказании «Алауган» главный герой сказания также случайно встречается с эмегеншей, но здесь мотивировкой выезда Алаугана служит поиск жены. В сказаниях же, где повествуется о том, что эмегены – хранители воды, нарты преднамеренно ищут с ними встречи (с целью их уничтожения), так как эмегены стерегут воду и не дают ее нартам: *Суну башын тогъуз башлы эмеген алып, суну тыйып, элге мылысын да жибермейди. Къатына жаллагъанны уа, ашан къояды. Анга бир киши да, бир зат да эталмайды. Халкъны ашан, тауусуп барады* [Нарты 1994: 135] ‘Воду стережет девятиглавый эмеген. Он задержал воду (вплоть) до последней капли. Кто к нему приближается, того моментально съедает. Никто с ним не может справиться. Скоро он так съест весь народ’.

Если мотивировка действий нартских героев в рассмотренных выше сказаниях имеет героическую окраску, то мотивировка поступков эмегенов – каннибализм, обжорство (это мотивировано сущностью, типологией самого образа): *Эмеген жыйынла гебенле, тебеле кибик, жерлени, къаяланы тендирип, нарт элге тохтаусуз чабылукъ этип болгъандыла. Нарт элде табылгъан сабий, къарт, мал тапханларып ашагъандыла* [Нарты 1994: 588] ‘Толпы эмегенов, гро-

мадных, словно стога сена, курганы, сотрясая землю и горы, постоянно устраивали набеги на села нартов. Эмегены пожирали всех, кто попадался им на пути: детей, стариков, животных', поэтому нарты вынуждены были вести с ними непримиримую борьбу.

В карачаево-балкарском нартском эпосе бытуют и несколько вариантов сказаний о гибели нартского племени. В отличие от других версий «Нартиады», в этих сказаниях совершенно отсутствуют богоборческие мотивы: гибель нартов в них связывается с эмегенами.

Например, в сказании «Нарты и эмегены» говорится: *Нартланы заманларында акъ жылла деп юч жыл болгъанды. Ол юч жылда жсаун жсаумай кюн кысып, нарт эллерине, эмегенлеге ачкытылыкъ жетгенди. Ачлыкъ жетген эмегенле нарт эллены анданда бек кыйнагъандыла* [Нарты 1994: 588] 'Во времена нартов были три года, которые назывались «белые годы». В эти три года не было дождей и наступала засуха. И тогда нартам очень много бед доставляли проголодавшиеся эмегены'.

В один из этих голодных годов, когда нартское войско было в походе, эмегены нападают на их села и опустошают их. Нарты по возвращении, не найдя многих своих близких и родных, начинают войну против эмегенов: *Ачлыкъ къутуртхан эмегенле, тереклени, ташланы сермен нартланы артха ыхтыра башлагъандыла. Нартланы садакълары эмегенлеге тийселе да бююлюп, не да артха чартлап кете болгъандыла* [Нарты 1994: 290] 'Обезумевшие от голода эмегены, схватив деревья, камни, постепенно стали одолевать нартов. Стрелы нартов были нипочем эмегенам: они или гнулись или отлетали назад'.

И тогда нарты, собравшись, решили, что они не смогут их так уничтожить, и сварили в больших казанах отвары из многих ядовитых трав. Обезумевшие от голода эмегены выпили эти отвары, после чего: *Тентек болуп, бир бирлени туююп кырып башлагъандыла. Этлери кёгерип, тюклери туююп, елет кирип кырылып артлары болгъанды* [Нарты 1994: 588] 'Обезумев, они стали избивать и убивать друг друга. Кожа [тело] их посинела, волосы выпали, они все заболели, между ними начался мор, и все эмегены до единого погибли <...> Когда бесчисленное количество трупов эмегенов начало разлагаться, у нартов начался мор. На землях нартов жизнь стала невозможной.

*Ёлет кирген кюнледе
Минги Таудан къачдыла
[Нарты 1994: 589].*

В те дни, когда [в стране нартов]
начался мор,
[Нарты] бежали с Эльбруса.

Что бы ни предпринимали нарты, ничего им не помогало. И тогда они обратились за помощью к Богам:

*Кюн Тейриден, – «Ёлетни ал!» –
деп, тилелле.
Тилейдиле Кёк Тейриге таралып.*

У Бога Солнца попросили:
«Спаси нас от этого мора!»,
Просят, умоляют [помочь] Бога Неба.

Но Боги не помогли нартам:

*Ёлет бла нартла ёлюп кетдиле,
Таурухлары аталадан бизге жетдиле
[Нарты 1994: 590].*

Так от этого мора [погибли] все нарты,
А сказания о них, передаваясь отцами
[друг другу], до нас дошли.

Из этого сказания мы видим, что на одну и ту же тему в различных версиях нартского эпоса могут быть различные по содержанию сказания с одинаковым финалом (здесь – гибель). Кроме этого, их объединяет то, что в сказаниях всех версий герой свой подвиг совершает в одиночку (моногероизм). Здесь же действуют все нарты.

В героико-эпических сказаниях существенным обстоятельством для финала становится неосознанность вымысла: исполнение произведения воспринимается как повествование о событиях, которые действительно имели место, и поэтому оно не может заканчиваться финалом наподобие сказочного, нередко подчеркивающего именно вымышленность всего, что раскрывается. Отношение к правде нередко побуждает эпического певца подчеркнуть в заключительной фразе истинность описанного.

Разумеется, в силу общефольклорной традиции, иногда у некоторых исполнителей может быть исключена «не эпическая» концовка: *Муну кёрмегенибиз кибик ауру, талау кермейик* ‘Как этого не было, пусть не будет нам ни болезней, ни смерти’ и т. д.

Ввиду того, что большинство сказаний исследуемого эпоса представляют собой небольшое повествование об очередном эпизоде из жизни нартского героя, они обычно заканчиваются развязкой действия без концовки или констатацией ухода героя с места совершения подвига или возвращения его домой.

В карачаево-балкарском эпосе, в отличие от других версий «Нартиады», многие сказания имеют концовки, характерные тюркоязычным эпосам: утверждение правдоподобности рассказанного, восхваление героя или подчеркивание значимости его подвига, описание последствий героических подвигов героя («Ёрюз-мек убивает Краснобородого Фука»).

Выводы

Таким образом, в данной работе был проведен анализ нартских песен и сказаний карачаевцев и балкарцев. Спецификой рассматриваемой версии «Нартиады» является то, что главная ее эпическая тема – борьба нартов с мифологическими чудовищами – эмегенами. В ходе исследования установлено, что в повествовательной системе эпоса обычно преобладает традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия. Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов могут меняться от простого к сложному. В сказаниях всех версий «Нартиады» герой свой подвиг совершает в одиночку (моногероизм).

Характерной особенностью карачаево-балкарской «Нартиады» является то, что многие нартские песни и сказания имеют концовки, характерные тюркоязычным эпосам: утверждение правдоподобности рассказанного, восхваление героя, подчеркивание его значимости, описание последствий подвигов нартского героя.

Литература

- Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост.: Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холыев; вступ. ст., коммент. и глоссарий: Т.М. Хаджиева; пер.: Т.М. Хаджиева, Р.А.-К. Ортабаева; отв. ред.: А.И. Алиева. – М.: Наука, 1994. – 656 с. {The Narts. A heroic epic of Balkars and Karachays / Edited by R.A.-K. Ortabayeva, T.M. Khadzhiyeva, A.Z. Kholayev; introductory article, commentaries and glossary by T.M. Khadzhiyeva; translation by T.M. Khadzhiyeva, R.A.-K. Ortabayeva; executive editor: A.I. Aliyeva. – Moscow: Nauka, 1994. – 656 p.}
- Пропп 1962 – Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1962. {V.Ya. Propp. Morphology of a fairy tale. – Moscow: Nauka, 1962.}
- Путилов 1970 – Путилов Б.Н. О структуре сюжетоборазования в былинах и юнацких песнях // Македонски фолклор. – Година III. – Број 5–6. – Скопје: Институт за фолклор, 1970. – С. 19. [Македонский фольклор. – Том III. – № 5–6. – Скопье, 1970. – С. 19.] {B.N. Putilov. On structure of plot development in *bylinas* and *yunak songs* // Macedonian Folklore. – Volume III. – No. 5–6. – Skopje, 1970. – P. 19.}
- Урусбиев 1881 – Урусбиев С.-А. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. – Вып. 1, отд. 2. – С. III. {S.A. Urusbiev. The tales about Nart warriors of Tatars-highlanders of Pyatigorsk district of the Terek province // A Compendium of Materials for Description of Places and Tribes of the Caucasus. – Tiflis: Typography of the Head Office of the Caucasus Governor, 1881. – Issue 1, section 2. – PP. III.}